

-----Моему другу и однокурснику.

Олегу.

За что? Вот за что, спрашивается, дважды горел и железок от той кумулятивной гранаты в шкуру принял столько, что металлоискатель на неё реагирует даже в отключенном состоянии, и теперь ни в одном аэропорту досмотр по-человечески не пройти. Только под эти ворота, а они сразу, тревожным семафором – «террорист, террорист»! Да ещё и мигалку, на полные обороты – «хватай, хватай»...

И хватают. У нас же, хлебом не корми, только дай похватать и не пущать потом... А у меня борт через пятнадцать минут. На Амдерму. И докажи кому что...

Что, каждому аэрофлотовскому под нос - справку из душанбинского госпиталя? Если б она и была ещё... Или рубаху с майкой скидывать.

- На, смотри!

За что воевал? За вот эти два серых квадратика с леспромхозовским штампом? На которые тебе в этом месяце отоварят две бутылки «беленькой»? За печь? Дрова? Воду из колонки и раз в неделю танцы в клубе? Да там - одни школьницы. Которые знать ничего не знают. Об уметь уж молчу в тряпочку.

И это «жизнь»? Ткните мне пальцем в того, кто так решил, и я вобью его в мёрзлую землю по самые миндалины без помощи какого копра и свайного молота.

Почему там можно свитер из чистой верблюжьей шерсти, а здесь – только робу рабочую и ватник? Почему там сгущёнки – от пуза и до самого горла, а здесь – «братская могила» из кильки в томате безрядовой укладки и то, только по большим праздникам и ко Дню Конституции?

Кто это всё за меня решил?

А не хочу я?

Что я в этой жизни видел кроме зелёнки Таш-Кургана и предгорий Гиндукуша? И тех, через оптику прицела... Дрова, кромку леса под серым осенним небом да старенький «Днепр», и тот - отцов?

А я хочу всё! И сразу. Вдохнуть этот мир на полную грудь, проглотить так чтобы он у меня поперёк горла встал и обратно запросился. Причём, сильно запросился, чтобы я ещё подумал, а отпускать ли его к такому лешему или просунуть кулак в глотку и утрамбовать там, в желудке, поплотнее. Чтобы ещё местечко было для пальм и баобабов. Я ж не только себе. Для себя. И за себя.

Но ещё и за того парня, которого мы в Воткинск «двухсотым» сопровождали. Который не погиб. Какое там, если он, уже раненый, наших до последнего в подошедшую вертушку грузил. А как погрузил, так его потом. Следующим бортом. И не в почти родной Душанбе, а в Ташкент. В госпиталь 75-ой армии. Где кто-то где-то что-то не досмотрел и не воткнул ему вовремя капельницу. И всё...

Получите, мама с папой, сыночка, что с честью при исполнении

интернационального долга...

Он-то со своей честью в удмуртскую землю лёг.

А вы свою куда дели? Когда про капельницу забыли. Или когда в Свердловске мне этот урод, бригадир грузчиков...

- Не пролазит твой «груз» в заднюю дверь Як-40. Я деревянную обшивку отдираю...

И гвоздодёр уже в руках держит. Ему ж от ангаров молдавские барыги усиленно руками машут. Как пропеллерами. Ещё чуть-чуть и взлетят. Они - с большими деньгами. Да за ещё большими! Черешню разгрузать надо. Она никак не подождёт.

- Мужик... Ты чё?.. Он же... за тебя!

- За меня? А я его туда посылал?..

- Ах ты...

Может хорошо. А может и плохо, что сопровождающий без оружия. Был бы АК в руках... Не дрогнул бы даже. И затвор передёргивать не надо. Патрон уже в патроннике. Привычно, большим пальцем правой руки – с предохранителя и указательным - на спуск.

Покрошил бы всю бригаду, а сказал бы кто слово – положил рядом. А там... Дисбат, так дисбат. Дальше фронта не пошлют...

Хорошо, начальник патруля... Капитан... Всё сразу понял. И без АК, одним ПМом положил всю эту шушеру на асфальт аэродрома...

И полетели мы в Ижевск с целым и невредимым грузом уже на 134-ом. До одного места, что никогда Тушки в том Мухосранске не садились и взлётная полоса там в самую-самую притирочку для такого типа самолётов. Полетели. Сели. Выгрузили. Уже бортовым «Уралом» домой, в Воткинск, привезли. Потом на кладбище. Комендатурские холостыми трижды отсалютовали. Всё как надо сделали. И на поминках нажрались. До полной отключки.

Через три дня только. В Москве включились. А нафиг нам Москва? Нам – в Душанбе...

Спасибо, капитан. Хоть, наверное, и не быть тебе никогда майором. Хочется верить, что офицерская губа в Свердловске не самое подлое место на этом шарике...

* * *

И за того парня хочу.

Чтобы одной рукой крепко так к себе, какую чёрненькую и

кучерявую. И в губы её. Пока дышалки хватит. А другой - тоже смуглую, но с таким глазами... Как большие хорошо прожаренные миндалины.

- Что, шурави, и замуж возьмёшь?

- Возьму, возьму...

- И за речку увезёшь?

- А что, поедешь?..

- Не-а... У тебя, шурави, закон плохой. Жена работать должна. А дом убирать кто будет? А детей кормить? А тебя любить? Люби-ить, шурави...

- Палёный... Палё-ооный! На броню. Ухо-одим!

Вот такую... С глазами-миндалинами...

И её тоже. В губы.

А пальцы... Кольцом – на бутылке ямайского рома. Почему бы нам, почтенным джентльменам?..

- Йо-хо-хо... Пятнадцать человек, на сундук – мертвеца!
Йо-хо-хо...

И любить. Любить. С вечера до самого утра. Чтобы с первыми, ещё розовыми, лучами подползти в изнеможении до открытого окна, подтянуться из последних сил, выглянуть... и увидеть на родной мачте трепыхающийся на ещё слабом портовом ветру флаг с белым прямоугольником на синем фоне...

И всё... Уже на ходу застёгивая брючный ремень:

- Пока... Пока, дорогая! Я буду тебя помнить. До самой Александрии. Или Бургаса. Какой там порт у нас следующим?

Мы ещё посмотрим. Увидим!

Пальмы, кокосы, огни далёких маяков и больших городов,
танцующих прямо на прибрежном песке мулаток...

Всё. Всё увидим!

И не через триплекс БэТээРа. Или мощную оптику
прицела...

Глазами. И рядом. Только протяни руку.

Протяни и возьми.

Оно всё – твоё...

* * *

Вот так я и очутился в Ленинградской морской
школе. В ШМОНе.

Только это не от слова «ШМОН», а от слова «ШМОТКИ».

Кто ж тогда, в приснопамятные советские времена, имел свободный доступ к благам импортного ширпотреба, кроме моряка заграничавания?

Ну, если только институт советской торговли...

«Феличита-аа...

Я учусь в институте торговли

И ты мне не чета...

Феличита-аа»...

Какой институт, если всё то, что и было в этой башке, за два с половиной года напрочь выдуло пронзительным осенним афганским ветром?.. Да и учиться. Пя-ать лет! Целая прорва времени. А жить-то когда?..

Другое дело – ШМОНЯ! Полтора года и всё... Ты уже матрос или моторист судов заграничавания, приписанных к любому из пароходств, что дают стране план и всё, что сверх плана, на необъятных просторах одной шестой части суши.

Ме-ечты сбыва-аются...

Курсант мореходной школы – это звучит гордо! А гордое звание и носить нужно с достоинством. Что там основатель Российского флота в своё время?

«Нижний чин должен вид иметь молодцеватый и

малость придурковатый, дабы разумением своим начальство не смущать»?..

Ну, про разумение можно опустить. То категория курсанту совсем без надобности.

А вот «молодцеватый». И «носить с гордостью». То ж как раз. Именно про курсанта ШМОНи.

Питер же город морской. И училищ в нём... И Макаровка, и Дзержинка, и ЛАУ, и имени Попова, и имени академика Шварценгольда... А чем те курсанты морские друг от друга отличаются, кроме как нашивкой с аббревиатурой училища, да «плевком» на фуражке? Да ничем... На всех – ботинки-Гады, бушлаты, по форме практически не отличимые от надувных спасжилетов, вечно сползающие зимой на уши шапки-ушанки...

И только курсант ШМОНи, получив у баталёра

новенькую форму, сразу же, без каких раздумий, но с благословения начальства, стремительно выдвигался к Балтийскому вокзалу, рядом с которым - прачечный комбинат и пошивочная при нем. Комбинат, заведение, без какого спору, солидное и важное. А вот в пошивочной работал точно такой же старый еврей, как и у Богомолова в «Моменте», с вечной капелькой на кончике носа. Только не с витебским, а с одесским акцентом. И вот именно он, за какую-то жалкую сиреневую бумажку с портретом Ильича, делал из стандартной курсантской формы небольшое произведение искусства.

Фланка подгонялась строго по фигуре и зауживалась так, что под неё можно было одеть только тонкий тельник. И обязательно так, чтобы из-под обреза он выглядывал на три полосы. Не больше.

Сзади и с боков фуражки убиралась часть подкладки, и выглядеть она начинала не хуже адмиральской. Чему, в немалой степени,

содействовал шитый за отдельную плату «краб» с английской булавкой и огромной «жемчужиной» на её конце.

У ботинок обрезался рант и подбивался каблук.

Бушлат обрезался на манер матросов революционного Балтфлота...

Ко всему этому добавить ещё сохранившуюся армейскую выправку и кич дембеля, имеющего полную и неограниченную свободу от всех видов и разновидностей воинских патрулей...

Подруги на Невском... И не только на нём!
Верещали, цеплялись и падали просто пачками...
Даже нагинаться не надо. Протягиваешь руку и снимаешь со штабеля верхнюю.

Только...

Только в общаге на Двинской присутствие особой женского пола строго настрого заборонено. В любое время суток. И что?

Даже пузырьёк Веры Михайловны перед матчем Зенит – Динамо в пристадионном туалете с корешами не раздавить? Да кто то опять за меня решил?

Питерский туалет... Ну, то если по-сухопутному. По-морскому, так уже – гальяун. И если есть где на этом шарике местечко душевней питерского общественного гальяуна, так это уже не в этой жизни...

Не успеешь с парнями у подоконничка примоститься... Ещё и Веру Михалну или Портюшу из кармана бушлата не достал, а

бабулечка-красотулечка, что уборщицей в заведении подрабатывает, уже и стаканчик чистый принесла, и карамелек по числу лиц, дегустирующих напитков, на подоконник выложила.

А всего-то, в благодарность, бутылку пустую оставить. И... Не приведи Господь, рядом с тарой гривенник или пятиалтынный оставить:

- Сынки... Заберите... Заберите! Я – зарабатываю. Нищим у Никольского собора отдашь. Храни тебя Боженька, морячок...

Вот и получается. Сегодня – подруга. Завтра – выпили, да карамельки закусить не нашли...

И чтобы в месяц два – три залёта не было?.. Да ни в жисть!

Обидно. Досадно. Но...

Именно по этой самой причине у большей части славной, спаянно-споенной группы мотросов-мотористов, к моменту успешной сдачи Государственных экзаменов, виза так и не была открыта. А без неё какие южные моря? Пальмы и баобабы сказали, что подождут. Так и нам ведь...

Без плавательной практики какие дипломы? Тем более международные.

Вот и полетели мы, ветром и судьбой гонимые, на Москву и от неё всё дальше и дальше. На восток. На восток... Потихонечку так к северу забирая...

До самого океана.

Вот только, если кто подумал, что до Тихого...

Так это зря.

* * *

То, что дело тут явно нечистое, так мы поняли ещё в Амдерме, где на промежуточную посадку с дозаправкой плюхнулись.

Плюхнулись и всей стройной толпой дружененько – к деревянному заведеньицу. Проверить, так ли тут душевно, как и в Питере. Ка-акое там!

У той дырки, что прямо до центра земли местными умельцами в вечной мерзлоте прогрызена, та-акие, явно не рукотворные и

не Египетские, пирамиды.

Вот тут-то, народец, что после плавающего под уже жарким летним солнышком питерского асфальта, по граждане, в одних футболочках, на уходящий на взлёт борт запрыгнул... С тоской и плохоскрываемой завистью стал поглядывать на умудрённых жизнью сотоварищей, что ещё с курсантской формой не распрощались. Пусть и тоненький, но всё же тельник под формёнкой есть...

Да только полярные авиаторы знали...

Знали, чем на перелётах торговать!
Конечно, шикарного ассортимента в буфете амдермского аэропорта не было. Да и не

нужно оно нам тогда было особо. Главное, что там «было»! И именно то, что нужно. Полстакана неразведённого спирта с солидным прицепом в виде приличного куска красной рыбки. Сёмги или нельмы.

Выпил и закусил сразу. Ну, и повторил, не отходя от стойки...

Знали, знали ассы полярных воздушных трасс, чем торговать. Два часа на лёгком летнем морозце с пронзительным студёным ветерком на десерт... И хоть бы чихнул кто потом!

*

*

*

Правда, когда уже над Тикси предпосадочный круг делали, снега на прибрежных сопках не было. Но...

Какая-то подозрительная гладь на море... И... что-то уж больно кучно суда портофлота стоят у причальной стенки.

А как только на местности осмотрелись... Точно. То-о-очно! Это ж весь могучий флот Тиксинского порта, плюс пара лайб, что не смогла вовремя уйти из бухты... Всё это стоит вмёрзшим накрепко в ледяной припай.

И работы пока нет. Ну, начальник и дал нам неделю. На акклиматизацию.

А мы - в футболках... Не отошли ещё. От шока.

А как отошли... Так не то, чтобы потрусили – побежали... На максимальной скорости, форсируя двигатели, помчались.

В магазин, в магази-ин!

Заскакиваем. А та-ам...

По всей стране – «сухой» закон.
Борьба с пьянством и алкоголизмом.
Грузия уже все свои виноградники
вырубила, отчиталась и сверх плана
армянские выкорчёвывать начала.

А ту-ут...

Портю-уша... Целым
артиллерийским складом. Знай
только снаряды подноси. Как,
куда?

Вот и корзинка стоит...

- Девушка... А в одни руки сколько?.. Сколько бутылок на рыло можно?

И уже по отвалившейся у продавщицы челюсти понимаешь – столько сколько нужно..

Нет, вот можем же, если захотим! Пусть и в отдельно взятом посёлке, но... Чем не коммунизм? Страна про магазины самообслуживания в Москве и Питере хорошо, если через одного слышала, не говоря уже про какой Выдропужск или

Миндюкино. А тут... Маленький заполярный посёлок на берегу Студёного моря, почти у самого края света... Нате! Пожалуйста...

По всему Союзу – «по бутылке в руки»! А тут... Бери - не хочу...

Госпидя-аа... Чтобы всем так жить!

В общем, берём по корзинке на брата, двигаем к кассе. И... только начинаем поступательное движение...

Во-о-одка...

- И что? Тоже «сколько ХОТИМ»?!

Обратно! Портвейн выгружаем,

где стоял. Возвращаемся к
месту неосвоенных водочных
залежей... Грузимся!

Фу-уу... Теперь можно и к
кассе.

И только...

А у кассы... Такие светлые
поллитровые бутылки с залитым

сургучом горлышком. И
зелёненьким прямоугольничком
этикетки. «Спирт питьевой».

- А это?..

- Парни. Да откуда вы такие
дикие?!

- С Питера мы...

*

*

*

Малость...

Самую малость Тикси до коммунизма не дотянул. С варёной колбасой и пивом в посёлке проблемы были.

С ПИВОМ ОНО ПОНЯТНО.

Рыбы хорошей, икры
красной – полное море
Лаптевых. Плюс Лена, её
протоки, речки, речушки
разные. Сказка просто
рыбная.

А хмель, или ячмень там...

Не растут за Полярным
кругом. И забацал бы
сусло, так из чего?

Потому, как навигация на
Лене начинается и первый
пассажир с туристами на
борту у входа в бухту
начинает
прорисовываться...

Так всё. Су-уши вёсла.

Местные этот белый теплоход пивной мечты ещё на входе в бухту на бордаж брали. С криком, дракой, ружейной пальбой и отборной русской латынью в качестве острой приправы. Что там эти нынешние сомалийские пираты? Детский сад

просто. Пионерская зорька
в одном месте у них, по
сравнению с тиксинской
пивной баталией...

А вот с варёной колбасой
почему полная засада
была... Не знаю!

Вроде и олени, вот они,

рядом, прямо по берегу
бродят. А колбаса в
магазине... Только
конская.

Ну, конская, так конская.

- Ещё болгарского перца
стручкового... Пару банок.
Заверните...

*

*

*

И пока та конская
колбаса в чайнике
варилась...

Забыли. Ну, забыли мы
про эти кастрюли...

Так пока она варилась,
мы, для разогрева, с
«Билого мицного»
начали...

Вино такое. В
толстостенных бутылках
тёмно-тёмно-зелёного
стекла. Типа, как из-под
шампанского. Их ещё
«фугасами» называли.

Может, помнит кто:

«На столе стоит фугас.

*Нынче праздник у всех
нас.*

Тот «Фугас» на ноль

СЕМЬ.

***Будет весело сегодня
всем!»?» ?***

**В Таджикистане в таких
бутылках местный
портвейн, «Памир»,
продавался. А в Тикси –**

ВОТ, «Билэ мицнэ».

Именно «фугасом» этим
со мной Тикси негромко
так, но
чувственно-проникновен
но, попрощался.

*

*

*

Мы ж на практику все вместе прилетели, а улетали – каждый сам по себе. Когда у кого на его судне навигация заканчивалась.

У кого – в сентябре, у кого – в октябре. Ну, а самые стойкие уже под

занавес, когда бухта
намертво, до
следующего лета,
льдом схватилась. В
ноябре.

Естественно, перед
вылетом, отвальная. С
вечера... А дальше –
как оно пойдёт.

У меня, так – хорошо. В самую притирочку дорожную сумку схватил и – на автобус. Ещё бы минут двадцать и всё. Пришлось бы следующего рейса ждать...

Но успел. Народ весь

уже прошел контроль,
так что со мной быстро.

Тем более, на досмотре
свои парни, пограницы,
стояли. Так что
нормалёк:

- Серёга!

- Витька!

- Ви-итька...

- Серё-ога...

- Предложение! Давай
дружить
погранотрядами.

- Встречное
предложение! Дружить
– заставами.

Пару раз обняться не
успели, как уже на
борту очутился. И на
морды их,
хитро-щурящиеся,
даже внимания не
обратил.

А Воркута... Сели –
взлетели...

Ну, посмотрел я на те
черные с белым
терриконы, даже не
подозревая, что насмо
трюсь ещё на них на
том Донбассе. И на
чёрные, угольной
пылью матово
отливающие. И на
белые, снегом
припорошенные. И на
уже травкой молодой

заросшие. Зелёные.

Воркута и Воркута.
Вышли. Снова сели.
Взлетели. Досмотра-то
там не было.

Вот в Москве...

*

*

*

Здоровье ж
поправить надо, а
ещё и шницель не
принесли:

- Объявляется

посадка на рейс...
Москва-Ленинград.
Просим пассажиров
пройти к стойке...

- Ладно, ладно...
Шницель повару
жертвую. Графинчик.
Графинчик, красивая

ты наша... Да
поворачивайся,
ненаглядная. Цигель,
цигель!

И только вторая
соколом пошла:

- Заканчивается
регистрация...

Ну, блин горелый! Из
горлышка что ли, её
булькать?! А что
сделаешь? Никакой
культуры!

Сумку в зубы и - на
досмотр.

А там...

Поставил багаж на
ленту транспортёра,
он и поехал

плавненько на
просвечивание. И
какой-то кадр
аэрофлотовский уже
смотрит. Да что-то
так... Уж больно
внимательно.

Что посмотреть-то?

Кроме смены грязного
белья и зубной щётки
– ничего...

Нет, морду от экрана
оторвал и уже мне:

-В распечатанном

**ВИДЕ ВИНО К ПРОВОЗУ
запрещено...**

**-Да какое такое
вино? Нет у меня
ничего такого!**

-Ну, смотри...

Смотрите.

Я тоже - на экран. А там, ясно различимый, силуэт фугаса и две трети его - тёмные, полные, значит, а одна треть - светлая. Видно, что

ОТПИТО...

Что за чертовщина?

Рывком сумку - хватать
с транспортёра,
открываю её... Точно,
«Билэ мицнэ».

Вытаскиваю...

И весь народ, что в
аэропорту был,
вместе со службой
досмотра, просто лёг
на пол...

Бутылка-то... Вот она.
Но вина в ней... Нет.
Вместо него...

Мы ж как вино
выпили, пустые
бутылки под
пепельницы
приспособили.

Набился один фугас до горлышка полным плотненько – за борт его. Всё, функцию свою выполнил, надо новую "пепельницу" заводить. Очередной фугас из-под стола и достали. Благо проблем с пустой тарой никогда не

было.

И вчера одна такая
бутылка на столе
стояла. За ночь и
набили её плотно, под
самое горлышко.
Только видно
весельчаки

провожающие решили
её за борт не
выбрасывать. Зачем?
Когда можно в
сумку...

Ну, и когда выскочил
морду лица
сполоснуть да зубы

пару раз щёткой
терануть... И
положили.

От тряски в полёте
окурки уплотнились,
осели...

Вот на экране и
высветилось...
ощущение початой
бутылки...

- Щас... Щас, мужики,
я её...

- Ку-уда?

- Да выбросить его!
Фугас этот,
проклятый...

- Зону досмотра
покидать запрещено.

- Да урна ж – во-он.
Рядышком.

- Запрещено. Вези
уж, морячок, свой
фугас в Питер.
Чудной вы, мореманы,
народец. Кто с
Севера мех везёт...

Кто – Золотой
корень. А тут...
Бутылка с последним
ВЫДОХОМ ЧУКЧИ...

*

*

*

«Чудно-ой» ...

Кто? Я что ли?

Да сами вы, то
самое слово!

Вот, подойдёт
время... А оно
обязательно
подойдёт. И надо
будет свидеться с
тем самым, лично
мне незнакомым, но
хорошо в миру
известным дедушкой
Петром.

И когда он,
оценивая
посматривая на
меня, начнёт
позвякивать,
перебирать на
большой связке
ключи...

Мне что? Там меха
нужны будут? Или
Золотой корень,
радиола розовая,
понадобится?

Не взять с собой
все это туда...

А фугас с последним
ВЫДОХОМ ЧУКЧИ...

Это же – па-амять.

Взгляну тогда там, в
мудрые, многое и

**МНОГИХ ПОВИДАВШИЕ
глаза деда, и
скажу...**

**Я скажу: «Не надо
рая. Дай ты мне
братву мою!».**

Всех... Я помню вас,
пацаны! Помню...
Всех...

*

*

*

А фугас тот, с

окурками, я уже в
Пулковом выбросил.
Не везти ж его
было на
Двинскую?..